

НАШИ ГОСТИ—СОЛИСТЫ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

На снимке: вручение цветов солистам Большого театра Союза СССР — участникам спектакля «Евгений Онегин». Слева направо: народный артист СССР А. ОГНИВЦЕВ, народный артист РСФСР Б. ХАЙКИН, заслуженный артист РСФСР Ю. МАЗУРОК и народная артистка Киргизской ССР И. ДЕРКИМБАЕВА. Фото А. Егорова.

«СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ»

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

ОНЕГИН—Ю. МАЗУРОК

Взлет Ю. Мазурока был поистине великолепен — в относительно короткое время он стал одним из лучших (если не самым лучшим) лирическим баритоном нашей страны, одержал победу в Монреале. Причем все это после того, как певец получил образование инженера, на что тоже потребовалось время. Естественно, что о нем стали писать, анализировать его творчество, восхищаться его талантом. Но пока — главным образом, в плане оценки его вокальных дарований. Ю. Мазуроку-актеру критика почему-то уделяла мало внимания, а между тем он и здесь показал свои большие возможности. В этих заметках я хочу остановиться лишь на исполнении им роли Евгения Онегина и то только в двух наиболее трудных сценах — объяснении с Татьяной в саду и во встрече с Гремминым на балу.

Как показывает опыт, петь Онегина, имея хороший голос и такую же школу, умеют многие, а вот играть — немногие. Существует мнение, что лучшим Онегиным был Яковлев. «Это был настоящий барин!» — говорили о нем. Но в этом-то как раз и заключалась ошибка Яковлева и всех тех, кто старался ему подражать. Дело в том, что Онегин не был баринком. Его отец жил на долги, а став помещиком, Онегин заменил барщину оброком, жил не в замке, а в домике ключницы и т. д. Барин понятие русское, Онегин же был типом инглизированной, он — денди, «прямой Чайльд-Гарольд», что специально дважды подчеркивал сам Пушкин. Это требует иных выразительных средств, чем для создания образа барина. Как известно, характерными чертами дендизма были не только внешнее щегольство, но и внутренний холодок, ироничность при поверхности суждений. Иронизирует по поводу Онегина и сам Пушкин. Вспомните: «Дожив без цели, без трудов, до двадцати шести годов». Последнюю характеристику в опере Онегин относит к себе сам.

Подшучивание Пушкина над легковесностью, порывистостью чувства Онегина беспыльно дано в заключительной главе романа. Пушкин говорит, что безответность на многочисленные письма к Татьяне могла довести Онегина до того, что он мог бы сделаться поэтом, и добавляет: «Признаться, то-то б удружили!» И, развивая свою мысль дальше, Пушкин разъясняет: «Но он не сделался поэтом, не умер, не сделал с ума».

Все это, разумеется, должно учитываться при создании образа Онегина. И я не погрешу против истины, если скажу, что никому еще это не удавалось лучше, чем Ю. Мазуроку.

Вещи познаются путем сравнения, а артист, который всегда одинаков, — это

плохой артист: значит, он попал в клещи штампа и утратил интерес к творчеству. Поэтому целесообразно сопоставить, каким мы видели Ю. Мазурока в его первый приезд во Фрунзе и сейчас. Прежде всего, он очень окреп как актер. Ю. Мазурок стал еще изящнее, холод

своей кульминации, когда Онегин слушает арию Греммина. Будь Греммин сделал точно по Пушкину — «толстый генерал, который всех выше и нос и плечи поднимал», т. е. если бы он был Тартюфом, то Онегиму было бы легче. Но дело в том, что Греммин сделан в опере «рослым, строй-

ным, подтянутым, и в уста его П. Чайковский и К. Шилловский вложили благородный текст с благороднейшей мелодией. Одновременно они

стать в свете, и такие, как Онегин, ей уже не в диковину. Становится совершенно ясным самое неожиданное и страшное: любит-то Татьяну не слонята какой-то, а человек благородный, любит любовью возвышенной. И чем дальше Онегин слушает, тем больше убеждается в этом, и именно в его сердце направил Чайковский заключительные слова арии Греммина. Но как все это изобразить — без слов, без жестов, ибо слова Онегину не даны, а оснований для жестов нет? Ю. Мазурок делает это блестяще. Мы видим, как Онегина охватывает ужас, хотя и скрытый хорошими манерами, видим, как он постепенно, все более и более каменеет, становится почти совершенно неподвижным, останавливаясь посреди сцены, и в его глазах, устремленных на Греммина, появляется какой-то лихорадочный блеск — смесь растерянности и тоски.

Сегодня эта мизансцена произвела лучшее впечатление, чем в первый раз: она стала еще отточнее — Ю. Мазурок в кульминационный момент арии Греммина даже опускает обе руки вниз, хотя это и не очень идет к фразе, но это нужно, ибо выражает — «все потеряно». Честно говоря, это настолько интересно, что игра Мазурока отвлекла меня лично от великолепного пения Огнивцева. Я никогда не понимал, почему такой великолепный певец, как народный артист СССР П. Андреев, явно чего-то недодавал, слушая Греммина. Теперь я понял: Андрееву мешал его очень высокий рост и он смотрел на Греммина сверху вниз; Ю. Мазурок же смотрит на Греммина снизу вверх. А взгляд сверху вниз всегда презрительный, снизу вверх — молящий.

Во всем этом есть, очевидно, заслуга режиссуры. Но ведь и мизансцены надо правильно играть! И, думается, что по поводу игры Ю. Мазурока К. С. Станиславский никогда бы не бросил своей знаменитой реплики: «не верю!».

Г. ФРЕНКЕЛЬ, профессор.

На снимке: Ю. МАЗУРОК в сцене объяснения с Татьяной в саду. Фото А. Егорова.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

онегинского дендизма отработана им гораздо четче, чем это было раньше. Во всех сценах, кроме последнего объяснения с Татьяной, он стал в целом еще спокойнее, не впадая в раздражительность даже там, где к этому дает основание сам Пушкин.

Во всех сценах Онегину есть что делать в динамическом отношении: то он бросает перчатку, то стреляется, то падает на колени, то мечется у ног Татьяны. Но сцены объяснения в саду и молчаливого выслушивания Греммина сугубо статичны. А между тем играть-то нужно, причем играть нужно верно.

Возьмем сцену объяснения с Татьяной в саду. Разные артисты ведут себя в ней по-разному — кто с галантностью д'Артаньяна прогуливается с Татьяной, кто грубо, даже не беря ее под руку, уходит с ней со сцены. Ю. Мазурок поет иравоучительную арию «Когда бы жизнь домашним кругом...» в подчеркнуто ироническом ключе, сидя на скамейке вдали от Татьяны, поигрывая стеком, вытянув вперед ноги и рассматривая носки своих щегольских сапог — он просто выполняет долг вежливости, в крайнем случае сожалел о том, что на его пути встретилась девушка, способная по-настоящему любить. Но так было в первый его приезд. Теперь Ю. Мазурок делает иначе — он и прохаживается и поет за спиной у Татьяны.

Нам первый вариант понравился больше. И не только потому, что он вернее, а потому, что у Пушкина (слова которого целиком вошли в эту арию) есть явный подтекст — это ведь не только к Татьяне обращает свои слова Онегин, но это и горькое раздумье о своей пустоте. Когда Ю. Мазурок пел в старой мизансцене, явно чувствовалось, что все это — размышление вслух о своем равнодушии ко всему, даже и к такой любви. Видимо, поэтому тогда в голосе певца было больше бархата. Теперь же — больше металла. Во всяком случае, размышлений почему-то не чувствуется и очень выходит на первый план иравоучение.

Трудность игры достигает

не отвели Онегину ни одного слова, ибо такую великолепную кантлену, естественно, нельзя прерывать.

Что же делать в это время Онегину? Обычно все исполнители делают вид (или во всяком случае так выглядят), что им излияния Греммина довольно безразличны — они или прохаживаются по сцене, или играют лорнетом, а иногда (я видел и таких) садятся в кресло и покачивают лаковой туфлей. Но то, что было уместно в саду, совершенно неуместно здесь. Ибо как раз сейчас в душе Онегина нарастает буря, и именно теперь (а не в последнем акте, когда Татьяна отказывает ему напрямую) ему становится ясно, что она потеряна для него безвозвратно. Мало того, что она могла затаять к нему досаду за прошлое, стала бин-

не отвели Онегину ни одного слова, ибо такую великолепную кантлену, естественно, нельзя прерывать. Что же делать в это время Онегину? Обычно все исполнители делают вид (или во всяком случае так выглядят), что им излияния Греммина довольно безразличны — они или прохаживаются по сцене, или играют лорнетом, а иногда (я видел и таких) садятся в кресло и покачивают лаковой туфлей. Но то, что было уместно в саду, совершенно неуместно здесь. Ибо как раз сейчас в душе Онегина нарастает буря, и именно теперь (а не в последнем акте, когда Татьяна отказывает ему напрямую) ему становится ясно, что она потеряна для него безвозвратно. Мало того, что она могла затаять к нему досаду за прошлое, стала бин-